

Интересно в этой истории только то, что якобы она произошла в действительности. Записано со слов молодого человека в 2016 г. Изменения минимальны, только литобработка и чуть философской отсебятины.

В мою жизнь вошла женщина по имени Лариса. Она появилась на фирме внезапно и заняла должность главного дизайнера. Соответственно мне отводилась роль помощника.

Воплотителя её художественных замыслов на компьютере и бумаге. Но это в теории, на практике получилось, что в мои обязанности стали входить сотни дел о которых я раньше понятия не имел. От заказа пиццы или столика в ресторане, до поливания цветов в студии и варки кофе. И, будь я проклят, если делал это по принуждению. Вокруг Ларисы не могло быть иначе. Она сама работала, как дьяволица, и заражала этим окружающих. Дела фирмы пошли в гору, у нас стали появляться клиенты о которых мы не мечтали. Посыпались премии и надбавки.

Мог ли я отказаться от дополнительной нагрузки? Встать в позу. Наверное мог. Но, представьте, когда Лариса решает судьбоносное по телефону, ляпнуть ей в ответ «сама сходи» на просьбу принести пирожное из закусочной через дорогу. Все знают, что она не обедает. Поэтому я шёл, и приносил. Мне не доплачивали за эти «труды», но зарплату-то повысили. Но главным, как вы уже догадались, было другое — моя непосредственная руководительница являлась эффектной женщиной. Я нарочно избегаю слова «красавица» — вкусы у людей разные. Но не было мужчины, который не остановил на ней заинтересованного взгляда. Притягивает, как магнит.

Иногда она уезжала в командировки. Жизнь для меня замирала. Я с нетерпением ждал её возвращения. Она на семь лет старше, то есть входит в зону моих интересов. Можно себе позволить мечтать о ней. Разумеется мне было известно, что она замужем, но никогда не слышал, чтобы она заговаривала о муже. Он где-то был, но его как бы и не было.

В один из дней я набрался храбрости и сделал шаг. Меня подтолкнула случайно услышанная фраза по радио, что женщины молчат о мужьях которые о них не заботятся, дескать нечего сказать, нечем похвастать. И я пригласил её на ужин. При этом ни на что особенное не рассчитывал. Наш, отечественный ужин, не голливудский, где после него обязательно в койку. Лариса посмотрела на меня странно. Она будто впервые по-настоящему заметила меня, и теперь изучала.

— Приглашаешь меня? Просиши о свидании?

Я шутливо поддержал заданный ею тон:

— Очень прошу! Просто умоляю...

Она не улыбнулась, её лицо оставалось задумчивым. Я был рад и не рад, что моё предложение так обстоятельно рассматривается. Мне пришло на ум, что Лариса видит в нём большее, чем просто посидеть и распить бутылочку. Пожалуй всё-таки подозревает в этом нечто голливудское...

— Тогда встань на колени попроси, как положено, — сказала она без тени иронии.

Я отвесил штовской поклон и, театрально заломив руки, опустился на колени:

— Прошу Вас отобедать со мной, о прекрасная госпожа!

Я очень хорошо помню, что произошло дальше — это впечаталось в мою память навсегда. В

руках у Ларисы была недопитая чашка с кофе, она демонстративно медленно вылила содержимое на пол передо мной.

— Вылижешь кофе с пола, получишь свой романтический вечер, — негромко, но значительно сказала она. Настолько серьёзно, что не мелькнуло и тени сомнения в правдивости её слов. Это было прямым обещанием. Меня точно в солнечное сплетение ударили. И одновременно мой член взбух в штанах, будто его компрессором накачали. Мгновенно, и с такой силой, что я и не помнил его в таком состоянии.

Я вдруг вспотел и... струсил. Вымучено попытался растянуть рот до ушей и сказать что-то остроумное, как-нибудь спасти положение. И поскорей ретироваться.

— Я не шучу такими вещами. Вылизывай, — повторила она спокойно.

Моё сердце стучало, как набат. Я наклонился и лизнул коричневую жижу, сохраняя взгляд на её лице. Я всё ещё надеялся, что сейчас уголки её рта дрогнут, и мы вместе расхохочемся над этим розыгрышем.

— Всё вылизывай, до последней капли!

Я вылизал всё, и обессиливший, словно разгрузил вагон угля, плюхнулся на задницу около её ног.

— Будем ужинать у меня дома. Адрес ты знаешь. Будь там ровно в восемь, — она встала и прошагала мимо меня к выходу.

Я кое-как поднялся, уселся на стул и сидел без движения минут десять. Я был нокаутирован. Морально. Однако мой орган имел собственные соображения. Он не уменьшился, он назойливо напоминал о себе. Мне пришлось расстегнуть штаны и за несколько резких движений вызвать сильнейшее семяизвержение. Странно, не правда ли?

Остаток рабочего времени превратился для меня в сплошное гамлетовское «быть или не быть». Решения менялись на противоположные каждые пять минут. Но вы уже догадались, что ровно в восемь я стоял у дверей её дома, иначе не было этой исповеди.

Малоэтажная застройка сразу за кольцевой в модном европейском стиле. Чистые ухоженные дворики и аллеи, малолюдно, умиротворяющий ландшафт. Не Рублевка, но солидный бизнес-класс. Открыла дверь сама Лариса. На ней сногшибательное длинное платье с глубокими вырезами на груди и спине, а также боковыми разрезами до пояса. Такое и надеть-то не представляю куда, только дома носить.

— Хорошо. Ты вовремя. Люблю пунктуальность. Иди за мной.

Квартира огромная. Длинный коридор с массивными дверями по бокам. В простенках светильники, зеркала, картины... Мрачновато. Я будто попал в аристократический дом девятнадцатого века. Шёл по мягкому ворсу ковра, смотрел на гибкую спину Ларисы и с ужасом осознавал, куда я сдуру влез. Это не мой уровень! В сущности, как оказалось, я ничего не знал про свою начальницу. Бог знает, как занесло такую птицу в наше болото. Но одно совершенно точно — на доходы в нашей фирме такой дворец не только купить, содержать невозможно. Значит — муж?! А я, значит, явился...

Мы оказались в обеденной зале. Иначе не скажешь. С камином. И размером со всю мою квартиру, включая лоджию и чулан. На стенах картины с изображениями... Их трудно описать. Все мыслимые и немыслимые виды сексуальных извращений. Я видел фотографии этой тематики в интернете. Но... При всей кажущейся документальности, интернет-фото всегда содержит элемент постановки. Зритель понимает, что это не совсем всерьёз. Иное дело картина писаная маслом, метра на полтора-два, со всей силой и буйством фантазии

художника. Полностью фантазийное произведение, но эффект совсем другой. Реализм зашкаливает. Ужас и возбуждение леденят кровь.

— Садись здесь, — Лариса указывает на маленький стульчик около камина. Стульчик странный, лишь немногим больше тех, которые я помню по детскому садику, но на крепких ножках, способных выдержать вес взрослого человека. На мой недоуменный взгляд поясняет:

— Это твоё место. Сидеть!

У меня сразу эрекция. Голова, как ватная. Не понимаю, что на меня так воздействует. Она меня явно унижает, а я... Надо взорваться, послать её к чёрту, плонуть, обматерить и хлопнуть дверью! Вместо этого я, млея, усаживаюсь на «своё место». Только что хвостиком не махнул.

Она стоит напротив, одетая как принцесса, и строго смотрит на меня. Я жду. Происходящее увлекло меня, как мощное течение. Барахтаться бесполезно, можно только держаться на плаву и беречь силы. Для чего? За этим вопросом таился ответ, который знает только Лариса. От неё зависело узнать ли его я. И желание знать, что там во мраке, заставляет подчиняться.

— Я вижу, — сказала она наконец, — ты готов... Как мы это называем, к сотрудничеству. Если нет, то можешь уйти пока не произошло ничего серьезного. Такого, когда ставки сделаны и бросать карты нельзя. Это твой выбор.

Я посмотрел на неё. В эту минуту мой мозг настойчиво призывал немедленно встать и покинуть этот дом. Но проклятый член, имеет свои, независимые от разума желания. И, войдя в раж, всегда побеждает здравый смысл. Я только послушно кивнул в ответ, не двигаясь с места. Не думайте, что я безвольная тряпка. Я даже смог бросить курить! Но Лариса в этом антураже действовала на меня гипнотически. Неведомый голос нашёптывал мне: «Делай, как она говорит, подчиняйся, забудь про гордость и мораль — это всего лишь условности, выдуманные некоторыми людьми, чтобы держать в узде других людей. Она предлагает тебе прямую сделку, без посредников. Взамен ты получишь блаженство...» — Смешай мне коктейль, — она села на стул напротив моего. На нормальный дубовый стул с подлокотниками, небрежно забросив ногу на ногу. Её туфелька качнулась немногим ниже моего носа. — Мартини, ром, лимонный сок, оливка. Там, в баре.

На меня это подействовало, как команда сержанта для новобранца. Подскочил на пружинах и кинулся выполнять. — Два стакана, — донеслось мне в спину.

Я смешивал напитки и ощущал спиной её взгляд. Повернулся и подал ей один, она взяла его не поблагодарив, будто это моя повседневная обязанность — готовить и подавать коктейли.

— Мне можно выпить? — спросил глухо, потому что во рту пересохло.

— Да, — ответила она коротко, и добавила: — Это правильно, что ты спросил разрешения. Вшла горничная — белый передник, чепец... Моё лицо вытянулось. А чего я ожидал? Такую квартиру трудно содержать в порядке без obsługi. Девушка лет двадцати спросила подавать ли ужин.

— Накрывай. Я обещала.

Не спрашивайте, какие блюда подавались, сколько я съел или выпил. Всё, как в тумане. Помню, за столом не происходило ничего экстраординарного, мы сидели и беседовали, как нормальные люди. Ничего не указывало на особые отношения. Кажется, говорили о работе, о перспективных проектах, о планах на отпуск... Когда молчаливая служанка убрала со стола, Лариса её отпустила. Надо понимать домой. Я разволновался, догадываясь, что сейчас начнётся главная часть вечера. Мой член, не сбавлявший напряжения ни на минуту,

прибавил в объёме, буквально вырываясь из брюк не считаясь ни с чем. Меня страшила мысль, что придётся выйти из-за стола и эта дикая эрекция будет очевидна для Ларисы. Позор состоял в том, что она не давала никаких поводов для столь буйной реакции. Ни поцелуев, ни объятий — одно её присутствие оказывало такой эффект. И подчёркивало власть надо мной.

Но я ещё не знал, что такое настоящий позор. Как только мы поднялись на ноги, открылась дверь и вошёл статный мужчина в дорогом костюме. «Господи, муж! — ахнул в панике мой внутренний голос. — А ты тут стоишь с горбом на штанах. Караул!»

— Это мой муж, — подтвердила Лариса мои опасения. — Игорь, это Павлик, сослуживец. Я быстро отёр вспотевшую ладонь о штаны и сделал шаг навстречу. Протянул руку и изобразил светскую улыбку. Во всяком случае, пытался изобразить. Дескать заглянул на огонёк случайно, перекусили по-товарищески, поболтали о служебных делах... ничего личного. «Ну, давай, хоть два пальчика протяни, я подержусь, шаркну ножкой и удёру отсюда».

Он проигнорировал мою руку. Он внимательно разглядывал меня в течение нескольких секунд, потом повернулся и направился к другой двери в зале. Уже практически покинув помещение, бросил, не оборачиваясь: «Подойдёт».

Лариса повернулась ко мне:

— Ты прошёл тест, дорогуша, — сказала она тихо. — Раздевайся.

Она не смогла потрясти меня больше, если бы вдруг закричала матом или выкинула ещё что-нибудь несусветное. Просто — раздевайся. Я стоял, как примороженный к полу.

— Выполнять! — она резко повысила голос.

Свесив голову и упёршись невидящими глазами в пол, я потянулся к брючному ремню.

— Смотреть на меня, не в пол! — отрывисто сказала Лариса. — Тогда не будет стыдно за то, что ты собираешься делать.

Легко сказать... С большим трудом я поднял на неё взгляд, боясь встретить в её глазах насмешку или презрение. Ничего этого не было. Она спокойно и серьёзно ожидала выполнения команды. Она просто говорила, что я должен делать. И я делал.

Лариса внимательно следила, как я снимаю и складываю одежду, смотрела, как я обнажаюсь до голой кожи. Никакого цирка «снимать — не снимать трусы» я устраивать не стал. Понимал — снять надо всё. Голый, вытянулся с руками вдоль тела, ожидая дальнейших распоряжений. Совершенно безобразный в своём возбуждении пенис торчал, как флагшток, переливаясь всеми цветами от фиолетового до красного.

— А у тебя неплохое тело, — сказала она тоном, каким говорят «сегодня без осадков». Я невольно расправил плечи, в конце концов я занимался спортом, ходил в качалку. Мне не стыдно, хотя бы за своё строение.

— И у тебя прекрасный хуй. Мне нравится, как он салютует хозяйке, — добавила Лариса. Меня поразило, сколь буднично и хладнокровно это было сказано. Констатация факта, не более того. Она так на работе говорит: «Хорошая модель — будет продаваться».

Мой проклятый орган от сдержанной похвалы вздёрнулся к животу. Внутри меня что-то скималось-чесалось, зудело-гудело, словом я находился в мгновеньях от самопроизвольного оргазма. Мог извергнуться без единого прикосновения к члену.

— Встань на колени, — приказала она. Чего-то подобного я ожидал, поэтому опустился вниз безропотно. — Ближе!

Я неловко на коленях пошёл к ней, держа корпус вертикально, ведь никаких распоряжений на этот счёт не поступало. Член мотался из стороны в сторону. Наверное смешно со стороны.

— Когда тебе захочется в ванную, попросись у меня, — сказала она негромко и заботливо. Меня эта вырванная из контекста фраза здорово озадачила. Почему мне захочется? Зачем в ванную? В смысле, в туалет или... Ещё это «попросись». Могут и не пустить? Вообще, после этих слов я почувствовал себя маленьkim и зависимым.

— Хорошо, — кивнул я.

— Нет, Павлик, так отвечать нельзя. Когда ты понял указание, то должен отвечать: «Слушаюсь, хозяйка, или слушаюсь, хозяин».

Хозяин?! Чёрт, мы так не договаривались! Заметив на моём лице сомнения, она прикрикнула:

— Это абсолютно понятно, Павел?! Игорь Степанович наш работодатель (вот так новость!), и твой хозяин. Как надо ответить, Павлик?

— Слушаюсь, хозяйка, — обалдело я выдавил из себя.

— Мой муж ожидает от тебя полного послушания и вежливого обхождения. Тогда в награду ты получишь меня. Всё ясно?

— Да, хозяйка, — удивительно, как естественно и охотно это уэтот нектар, подхватывал языком и глотал капли с нежной бахромы толстых половых губ. В это время тягучие капли спермы продолжали скатываться мне на яйца из подёргивающегося члена. Мой язык наткнулся на твёрдую почку в своде малых губок. Этот маслёнок живо отзывался на ласку, и я увлечённо вытянул губы в трубочку, чтобы обхватить его. Лариса грубо оттолкнула моё лицо рукой и закатила мне звонкую пощечину. Я оторопело хлопал глазами. Что не так?

— Я сказала лизать! Когда я скажу сосать клитор, будешь сосать! Выполнять команды точно! Понял, кобелёк?

— Да, хозяйка, — я и в самом деле почувствовал вину. Почему я иногда бываю таким тупым, ведь хозяйка ясно сказала лизать. Я высунул язык и потянулся к волосатой щели.

— Нет. Ты виноват, теперь должен попросить загладить свою ошибку, — сказала она строго.

— Хозяйка, позвольте м... мне... лизать.

— Что ты там мямлишь?!

— Позвольте мне продолжать лизать.

— Что ты хочешь лизать?

— Я хочу лизать вашу пизду, — выдохнул я, восхищаясь собственным унижением.

Она взялась за цепь свисающую с ошейника и намотала её на руку. После этого другой рукой погладила и похлопала меня по щеке.

— Ну-ну, я уже не сержусь. Я понимаю, что это первый раз и ты стараешься, но от волнения делаешь оплошности. Пизда хозяйки — это награда, а прощения просят у попки, — она нахмурилась и дёрнула поводок. — Сейчас назад и лизать жопу! Когда дёргаю цепь, напрягаешь язык и ныряешь им внутрь.

Я оказался между белыми полушариями. Лариса подалась вперёд и упёрлась ладонями в колени, ложбина между упругими глобусами раскрылась. Я смотрел прямо в коричневую звёздочку, призываю сжимающуюся и разжимающуюся в ожидании ласки. Поводок нетерпеливо дёрнул ошейник. Зажмурившись, языком воткнулся в центр сфинктера. Потом ещё и ещё. Слюнявил расщелину и гладкую поверхность её ягодиц. Сколько это

продолжалось не знаю. В голове звенело: «Я лижу попу Ларисы!»

Опомнился, когда она развернулась ко мне и снова подставила для моего рта пизду.

— Теперь соси! Клитор, сильно! И только посмей остановиться без команды!

Она стонала, крутила тазом, ездила по моему лицу широко раскрытой мясистой плотью. Моё лицо было всё мокрым от пота и её выделений. Ещё я всё время боялся выпустить пульсирующий стебелёк клитора. Иногда он всё-таки выскользывал. Тогда приходилось лихорадочно его ловить губами. Лариса за это больно дёргала меня за волосы на голове. Оргазм наконец настиг её. Господи, что она вытворяла! Крики, стоны, матерные слова — пустяки, по сравнению с тем, что она рвала мои волосы и колотила по голове кулаками, причиняя весьма болезненные ощущения. Её клитор при этом дёргался в моих губах, как маленький член. При этом потоки жидкости обливали мой подбородок.

Лариса замерла и затихла. Отпустила мои волосы, смахнула капли пота со лба и потрепала меня по щеке.

— Неплохо для начала, Павлик, неплохо.

— Мне нужно в ванную, хозяйка.

— Хмм... Мне, пожалуй, тоже. Но у тебя здесь есть ещё дела. Закончи их, — она указала глазами на лужицы на полу, — потом можно в ванную.

Никаких чистящих средств, кроме моего рта, разумеется, не предусматривалось. Я не верил, что сделаю это. Но сделал. По окончании мне точно нужно было в санузел. Успел добежать до унитаза, где меня вывернуло наизнанку.

— Ужасно, Павлик, это просто ужасно, — Лариса, по-прежнему голая, стояла за моей спиной и неодобрительно качала головой. — До такой степени не уважать себя. Тебя рвало собственной спермой, в чём дело, мальчик? За что ты так себя не любишь? Как же ты предлагаешь свои соки женщинам, если не переносишь их сам.

— Лар... простите, хозяйка.

— Быстро под душ, затем чистить зубы, причесаться — нас ждёт Игорь Степанович.

Привёл себя в порядок я быстро, и пяти минут не прошло, но при этом напряжённо пытался расшифровать это загадочное «ждёт». Мне, что, оценки будут выставлять?

Лариса накинула на себя белый халат, который висел в ванной, мне пришлось следовать за ней голым. Так и оказалось, что откроется дверь и навстречу выйдет какой-нибудь шофёр или служанка. Около камина она остановилась, открыла бар и сказала:

— Налей себе водки, полстакана.

Стаканы из тонкого стекла высокие и широкие, я прикинул — получалось грамм сто семьдесят-двести.

— Пей.

Я пожал плечами. Без закуски... Впрочем не впервой, а выпить мне не помешает, вечерок у меня необычный. В три больших глотка осушил ёмкость, подумал, что на вычищенный желудок алкоголь действует сильнее. Так и есть, в голове сразу зашумело, а по жилам растеклось тепло. Лариса стала ещё прекраснее. В голове загуляли весёлые мысли. Неужели я и эта богиня были интимно близки только что. Конечно, не так как хотелось бы, но всё же... Входя в эту квартиру я и о таком не мечтал. А цена... Да, пустяки. Подумаешь, покомандовала, на других всю жизнь ездят. Слегка на коленях поползкал... Ну, пару раз по физии съездила — чепуха... Зато, потом... м-м-м. И на счёт попочки, ещё разобраться надо наказание это было или что.

— Сделай два коктейля, как раньше, — прервала мои радужные воспоминания Лариса.

— Слушаюсь, хозяйка — не забыл я формулы, и радостно осклабился. Она посмотрела на меня внимательно, тень улыбки впервые за вечер обозначилась на её лице.

— Дай мне стаканы, пойдём...

Я сделал шаг, но тут же получил пинок по заднице, потому что руки у ней были заняты.

— На колени, придурок!

Лариса умудрилась держать стаканы одной рукой, другой постучала в дверь.

— Войдите, — разрешил Игорь Степанович. Так мы и вошли, его жена со стаканами, а я на коленях, с ошейником.

Это наверное спальня, хотя я бы предположил по размерам, что спортзал, если бы не кровать. Таких кроватей даже в кино не увидишь. Сделано для гигантов. Примерно метра четыре на четыре. В неё можно уложить всю нашу бухгалтерию.

Хозяин дома возлежал среди подушек абсолютно голым и читал книгу. Теперь я смог хорошо его рассмотреть. Мужчина, пожалуй, лет на десять старше своей жены, с внешностью киноактёра. Сдаётся мне, что видел его не раз по телевизору, только не могу припомнить в связи с чем. Не киноиндустрия точно. Седовласый с волевыми чертами лица. Тело накаченное, загорелое и ухоженное, ни единого волоска, блестит бронзовым отливом.

Особенно поразил размер его агрегата, лениво лежащего на мускулистом бедре. Чёрт возьми, он в спокойном состоянии больше, чем у меня в возбуждённом! Я почувствовал себя уязвлённым и приниженным. Представляю теперь, что думала обо мне Лариса, когда гордо выставлял свой стручок.

Лариса сунула мне в руки стакан с коктейлем:

— Подай Игорю, — и добавила страшным шёпотом в ухо: — На коленях!!!

Подполз, протянул хозяину стакан. Не переломился. Тот взял не глядя, отхлебнул, продолжил читать. Лариса скинула халат и улеглась нагишом навзничь, метрах в двух от мужа, отрешённо глядя вверх. Странное поведение. Я стою на коленях, и впервые за сегодняшний вечер по-настоящему чувствую себя дурак-дураком, потому как не знаю, что делать. На меня никто не обращает внимания, а колени между тем начинают болеть.

Потихоньку скашиваю глаза на Ларису, мне видно её красивые ступни, лобок с волосами и кончики грудей. Любуюсь. Приподнялся Игорь Степанович, подсунул побольше подушек под спину, поставил на тумбочку опустевший стакан, и... продолжил чтение. Лариса лежит даже без подушки под головой. Пошевелилась. Чуть согнула ногу, но это не для меня — для удобства. Колени болят с каждой минутой всё больше, собираюсь громко заявить об этом, и будь что будет. Отвлекаюсь, Лариса поглаживает свою грудь, играет с кончиками сосков. Я вытягиваю шею и убеждаюсь, что тёмные вишенки укрупнились, отвердели и вытянулись — эта картина меня захватывает, я даже забываю про свои колени. Зато вспоминаю о члене. Орган поднял голову и набряк. Зудит. Размышляю, что если потихоньку подрочить, не привлекая внимания? Тянусь рукой и неожиданно что-то толкает меня поднять голову. Не зря толкает — потолок зеркальный. Уж не знаю из чего он сделан, но всё как на ладони.

Хозяевам видно каждое моё движение. Наблюдали за мной всё это время, потому что я вижу их глаза. Хозяина, прикрытого книгой, и хозяйки, задумчиво мнущей грудь. — Интересно смотреть, как она ласкает себя, не правда ли? — спрашивает хозяин.

— Да... господин, — отвечаю осторожно.

Он вроде бы снова читает, или делает вид. А Лариса начинает постанывать и беспокойно

ёрзать, возбудилась до состояния, когда похоть просится наружу. Мой член болит от долгого и бесплодного напряжения. Оторвать взгляд от сжимающихся пальчиков на ногах Ларисы невозможно.

Игорь Степанович посмотрел на неё, на меня, и бесстрастно сказал:

— Всё правильно, она готова. Выеби её.

Почему-то я не удивлён. Чего-то подобного я и ждал, терпя мучения. А чего ещё можно ждать от этой извращённой парочки. С другой стороны, мне-то что? Выебать жену на глазах у мужа, с его позволения... Нет! По его приказу! Интересно, для кого больше это распоряжение — для меня, или для неё? Лариса стонет, изнывая от страсти, с таким потрясающим телом ждёт моего голубчика внутрь себя...

Мгновенье, и, морщась от боли в коленях, я вскакиваю. Ещё мгновенье — я между ног Ларисы, которые она широко развела. Её взгляд напряжён, нижняя губа прикушена, она приподнимает зад... Мои губы пересохли, я обхватываю ими крупный сосок, а рукой провожу по телу сверху вниз. Накрываю лобок, стискиваю его, наслаждаясь пухлостью и упругостью. Ныряю ниже и хочу вставить палец или два в мокрую пещерку.

— Нет! — резко вскрикивает она. — Только хуй! Другого тебе не приказывали. И не смей трогать соски пока не разрешат.

Ладно. Пусть так. Я пристраиваюсь, моя распухшая залупа раздвигает нежные лепестки и чуть прижимается ко входу влагалища. Там всё вздрагивает — чувствую через головку члена. Изнутри выплёскивается горячий сок, обжигая щёчки головки и уздечку, призываю сокращаются потаённые сексуальные мышцы. Я всё это чувствую. И втискаю снаряд ещё на сантиметр внутрь. Там всё просто пылает. Она кладёт свои ладони мне на задницу и впивается в кожу длинными ногтями, тянет на себя. Я въезжаю в неё, как горячий нож в масло, так глубоко, что мочеиспускательным отверстием упираюсь во вход матки. Лариса протяжно стонет. Я на седьмом небе, по моим яйцам текут её горячие соки.

— Не двигаться! — скомандовал Игорь Степанович, отбрасывая книгу в сторону. — Целуйтесь!

Лариса прикрывает веки и приоткрывает рот. Мне приглашения не нужно. Мы сливаляемся в долгом страстном поцелуе, наши языки скользят во рту друг друга, мы обменяемся слюной. Хозяин что-то делает вокруг, отдалённо я воспринимаю, как нечто чужеродное обхватывает мои лодыжки, но меня это не беспокоит. Мой член внутри самой прекрасной хозяйки на планете. Моё тело на ней, и ощущает все её замечательные изгибы и выпуклости. Мой язык в её рту... И следовало добавить, что мои мозги в её заднице! Потому что я прихожу в себя, только когда чувствую, как затягивается кожаная петля на моем правом запястье. А левое уже связано. Ноги, надо понимать, давно.

— Спокойно! Лежать и продолжать целоваться.

— Подчиняйся, — шепчет мне Лариса и протягивает губы. Не знаю, что действует на меня сильнее, оклик хозяина или заговорщический тон хозяйки. Она на моей стороне?

Подсказывает безопасную линию поведения? Я сомневаюсь и теряюсь, но начинаю целовать её с удвоенной энергией. Краем сознания я понимаю, что произошло. Мои конечности окольцованны прочными кожаными ошейниками, по типу того что на горле, только меньшего диаметра, и прицеплены к стальным тросам. Эти тросы уходят к углам монументальной кровати, в стойках которой спрятаны механизмы типа лебёдки. Серьёзное сооружение. И стоит немалых денег, думаю.

Итак, мой член внутри его жены. Сам я распят на ней. Чего же он хочет? Пороть по жопе будет? Кажется это упражнение особо почитается извращенцами. Да хрен с ним! Отжарю его супругу под плёточку за милую душу! Авось насмерть не запорют. Чего это я такой бесшабашный? Водка?

Всё же моё воодушевление растворяется, когда я чувствую, что задействована ещё цепь ошейника. Наверху оказывается тоже имеется блок. Солидный и крупный Игорь Степанович суетится вокруг нас с возрастающим азартом. Кажется, он всерьёз возбуждён. Мне становится страшно. Лариса, которая чутко понимает моё состояние, начинает массировать и посасывать влагалищными мышцами мой фаллос, даря сумасшедшие ощущения. Она и это умеет! Я немного успокаиваюсь, всецело отдаваясь её инициативам. В конце концов она подо мной, в некотором смысле заложница. Не причинит же он серьёзного вреда собственной жене.

— Поднять зад, — командует хозяин откуда-то сбоку.

Мы прекращаем наш страстный поцелуй. Я смотрю по сторонам, оценивая ситуацию, но при этом остаюсь в дико возбуждённом состоянии. Лариса не останавливаясь сосёт член влагалищем. Первое, что я вижу — циклопический орган хозяина во вздыбленном состоянии. Это реальный приап, размером с моё предплечье. Никогда не видел, чтобы подобное принадлежало человеку, скорее что-то из лошадиного ряда. Бедная Лариса... До меня доходит, что при таком хозяйском инструменте мой орган, немногим крупнее среднего, должен болтаться в её вагине, как болт в ведре. Но этого нет. Её пещерка не растянута, а вполне себе плотная и упругая. В чём же тут дело? Второе, что я вижу — пульт в руках Игоря Степановича. Я надеялся, что он будет бегать из угла в угол, накручивая рукояти лебёдок. Мда... сервоприводы. Удобно.

Заметив мой интерес, хозяин жмёт на кнопки:

— Я же сказал: поднять жопу вверх, а не глазеть по сторонам!

Потянуло меня сначала почему-то за шею. Потом за конечности. Через несколько секунд мой орган с чмоканием покинул уютную пещерку Ларисы, а сам я, растянутый как жаба повис над хозяйкой. Сейчас вывернутся все суставы — натуральная дыба! Но главное, центральный блок продолжал тянуть вверх, ломая спину и удушая. Я даже кричать не мог, ошейник сдавил горло, в глазах потемнело. Меня убивают! Вдруг всё кончилось, натяжения ослабли, я лежал на Ларисе, и она мне тихо шептала:

— Надо слушаться, глупенький, тогда не будет больно.

Что поразительно: я хватал ртом воздух, из глаз лились слёзы, а каменный член снова внутри Ларисы — больше вырос и захлёбывался слюнями удовольствия! Поймала она его что ли, пока я практически без сознания опускался?!

— Ещё раз не выполнишь приказ, будет хуже, — пообещал хозяин. Я поспешил закивал, так как ещё не мог говорить.

— В коленно-локтевую позу, прогнуться в пояснице. Жопу максимально вверх!

Я мгновенно выполнил, не смотря на то, что пенис вышел из горячего лона.

— Хорошо. Сейчас я тебе помогу, дорогая, — с этими словами муж стал подталкивать под задницу жены подушки. Лариса, упёршись пятками, поднимала таз. Таким образом наши половые органы снова оказались в тесном контакте.

— Вводи, — скомандовал хозяин. Что я с удовольствием и сделал. Он осмотрел наши спаянные органы с разных ракурсов и удовлетворённо кивнул.

— Ну-ка, подвигайся! — приказал мне Игорь Степанович, и шлётнул по ягодице. Какая-то

степень свободы у меня была, как раз достаточная, чтобы отклячивать до предела зад, выводя до половины пенис из вагины, и наносить удар, впечатываясь до корня в широко раскрытую и чавкающую пизду.

— Тебе удобно, дорогая?

Лариса кивнула. Мне пришлось до хруста выгнуть спину, потому что супругу пришло в голову подарить жене нежный поцелуй в щёчку. Потом она повернула немного голову и они стали целоваться всерьёз. Я напрягал мышцы спины до темноты в глазах, перед моим носом маячил затылок хозяина. Не мог же я нарушать такие семейные нежности. Но хребет трещал.

— Отлично! — констатировал Игорь Степанович, отрываясь от губ Ларисы. Я в изнеможении навалился на её грудь. Хозяин похлопал по моему заду игриво, затем сильнее, и сказал: — Ну, что, бычок, ты развёлся достаточно. Настало время получить удовольствие и нам. Запомни этот вечер, он для тебя особенный. Сейчас мы тебя инициируем.

У меня пелена с глаз упала. Я вдруг всё понял. И как меня подводили к этому, и значение всех приготовлений.

— А-а-а... Нет! Нет! Не надо! Что угодно, только не это!

— Надо. Обязательно надо. Ты быстро привыкнешь, Павлик. А как ты думал? Придёшь, поешь-попьёшь, полакомишься вкусностями моей жены-красавицы, потом трахнешь её и просто поедешь отдыхать домой?

— Не... не... Нет я так не думал! Я... я... я

— Да-да, головка от этого самого за тебя думала. Сделка заключена, мы свою часть выполнили. Ты, что же, отказываешься платить?

— Простите... простите! Пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста-а-а...

Меня никто не слушал. Я почувствовал, как нечто холодное и склизкое забивается между моими ягодицами рукой хозяина. Остатки он брезгливо вытер о мою спину.

— Тебе повезло, первый раз мы делаем это со смазкой.

Я видел свои остекленевшие глаза в зрачках Ларисы. Мои слёзы капали ей на лицо.

— Расслабься, — прошептала Лариса, — обязательно расслабься. И подчиняйся, иначе вправду будет плохо, — её руки были свободны, она нежно вытирала ладонями мои плачущие глаза. Притянула к себе моё лицо, и ласково поцеловала по-матерински.

Заботливая...

Мужик устроился позади меня, положил сильные ладони на мои бока. Я вспомнил каких размеров его орудие и задрожал, как осиновый лист. Проклиная своё любопытство и судьбу, я посмотрел в сторону окна за тяжёлыми портьерами. Там оставалась прежняя жизнь. Всего в нескольких десятках метров притулилась моя верная машинка. Прыгнуть и умчаться!

Куда-нибудь подальше от всего этого...

В мой сфинктер толкнулся горнопроходческий бур. Стальной, гигантский и настырный. Взламывая и кроша породу он попёр внутрь. Где же эта чёртова смазка?! Боже, а ведь я тоже уговаривал любовниц трахаться в задницу!

— Сейчас, сейчас! — радостно шептала Лариса. В её глазах блестели звёздочки. — Потерпи. Он большой! — восхищённо пискнула она. — Сначала больно. Сначала всегда должно быть больно! А потом будет хорошо, нам всем хорошо! Ты полюбишь наш «паровозик».

— Нет, нет, не-е-ет!!! — орал я выпучив глаза и брызгая слюной. Вынужденно таранил изо всех сил пизду, стремясь уйти от напора сзади.

— Да, да, да-а-а!!! — вторила мне счастливая Лариса. Сзади раздавалось только свирепое

рычание. Боль лавой хлынула мне в мозг, кажется от копчика я был разорван надвое. Что-то горячее текло по моим ляжкам и яйцам, наверное это кровь. Моя кровь... О Боже, помоги!

— Всё, всё, мой хороший! — лихорадочно шептала Лариса, гладя меня по заплаканным щекам. — Теперь замри! Дыши глубоко, не напрягайся. Прислушайся! Он внутри. Даже я ощущаю его через тебя.

Меня распирало во все стороны. Прямую кишку саднило. И сильное давление на простату — это было острейшее ощущение из всех. Казалось нечто ворвалось и ухватило меня за самый чувствительный нервный узел. Кошмарное сочетание боли и прилива сексуальной активности. Мы все трое были неподвижны, но внутри меня что-то двигалось, дёргалось, проворачивалось и ходило ходуном. Одновременно жгло, щекотало, давило и чесало. Предэякулят лил во влагалище Ларисы непрерывной струйкой, о состоянии своего члена не могу сказать вовсе. Мне казалось, что я весь сталовым органом. А потом ужасный поршень пошёл назад... С этого момента я не помню ничего. Только бессвязное бормотание Ларисы: — Не кричи, не кричи! Возьми в рот мою грудь! Кусай, если не можешь терпеть! Кусай соски!

Очнулся я на полу, весь скользкий. Как я понял в своей и чужой сперме, в выделениях Ларисы, ещё в чём-то... Бр-р-р. Они лежали на кровати. Глаза Ларисы были закрыты, на груди страшные следы от моих зубов. Кажется, кровь тоже. Не откусил ли я ей соски? Впрочем своя шкура ближе к телу, я приподнял зад и посмотрел под себя. Крови не было, но внутри будто битого стекла насыпали.

— Сходи помойся, — презрительно сморщив благородное лицо, сказал Игорь Степанович. — Смотреть противно! Потом на кухне найдёшь утку и закуски. Накрой на стол, открой вино — мы выйдем перекусить. Устали.

Пошатываясь я вышел в обеденную залу. «Он устали со мной... Им надо перекусить-с... Господам-с... «Хрен вы угадали! На бюро лежала моя одежда. Часы били два часа ночи. В жопе было мокро. Плевать. Я стал быстро одеваться. Бесшумно пробежал по коридору и захлопнул за собой дверь.

Вырнувшись на своей «старушке» из элитного посёлка, я вдруг вспомнил фамилию Игоря Степановича. Меня сбивало с толку, что я пристраивал к его имени фамилию Ларисы, а они разные. Ещё вспомнил телепередачи, где благородный деятель, столп общества, пример для подражания молодёжи, выжигал калёным железом порнуху, чернуху и прочую скверну. Как же он красиво говорил. Каким праведным гневом горели его глаза. И это презрительное выражение лица при упоминании грязных извращенцев. Всё верно, кто громче всех кричит «держи вора»?

Убить, убить гада! А она? Она не гадина? А сам, белый и пушистый?

Никого я не убью. Напьюсь и уволюсь. Постараюсь забыть. Уеду. Всё продам и уеду.

Из планов удалось осуществить только «напьюсь».